

*В. В. Кириенко, канд. социолог. наук, проректор по учебной
и воспитательной работе ГГТУ (г. Гомель)*

**ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ
ФОРМИРОВАНИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА И МЕНТАЛИТЕТА
БЕЛОРУСОВ**

В соответствии с получившей широкое распространение концепцией представителей географического детерминизма одним из базовых компонентов, предопределяющим возникновение и развитие этноса, является природно-географическая среда обитания. По терминологии Л.Н. Гумилева, именно «кормящий ландшафт», природно-географическая среда являются важнейшим и необходимым условием начала этногенеза – формирования этноса. Вслед за С.В. Колесником под ландшафтом Л.Н. Гумилев понимал «участок земной

поверхности, качественно отличный от других участков, окаймленный естественными границами и представляющий собой целостную и взаимообусловленную закономерную совокупность предметов и явлений, которая типически выражена на значительном пространстве и неразрывно связана во всех отношениях с ландшафтной оболочкой» [Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли /Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2001.– С.19]. Влияние ландшафтных условий на формирование этноса в различные периоды его формирования существенно варьируется. На ранних этапах его становления, в силу объективных причин, человеческий организм оказывается полностью подчиненным окружающей среде. Не обладая необходимыми возможностями противодействия природе, «географический ландшафт воздействует на организм принудительно, заставляя все особи варьировать в определенном направлении, насколько это допускает организация вида. Тундра, лес, степь, пустыня, горы, водная среда, жизнь на островах и т. д. – все это накладывает особый отпечаток на организмы» [Там же. – С. 190]. Широко распространено мнение, что наиболее благоприятными условиями для формирования и развития этносов являются прибрежные равнины между 30-й и 45-й параллелями. Именно здесь возникли «великие цивилизации прошлого в Европе, Азии и Африке» [Шахназаров О. История развития общества: русский путь /О. Шахназаров // Общество и экономика. – 2000. – № 2. – С. 155]. Территория Беларуси расположена между 51°16' и 56°10' параллелями и далеко не в прибрежных равнинах. С точки зрения классической этнографии, белорусский «кормящий ландшафт» не является комфортным. Природно-климатические условия Беларуси создали предпосылки для формирования неизмененного белорусского этноса. Прародиной племен и субэтносов, впоследствии сформировавших белорусский этнос, была девственная природа бассейнов Верхнего и Среднего Днепра, Припяти, Западной Двины и Немана.

Георетическое положение Л.Н. Гумилева о том, что этносы зарождаются и благополучно существуют только на территориях, сочетающих два и более типов ландшафтов [Там же. – С.155], соответствует природно-географическим условиям формирования белорусского этноса. Эти условия представляли собой разнообразные ландшафтные типы. «Дика и величественна, разнообразна и изменчива природа Беларуси. Много в ней таких особенностей, каких вы не встретите нигде, разве на Крайнем Севере. Воды, болота, земля и леса составляют канву, на которой тысячелетия избороздили самые причудливые узоры, то открывая их наготу, то закутывая гущею непроходимых лесов и болот, и делая почти недосыгаемыми для человеческого глаза. ... Бассейны рек, пронизывающих Белоруссию,

придают ей совершенно отличные черты. Так по течению Немана и его притоков ... местность холмиста, весьма живописна, разнообразна. ... Неман, протекая по северо-восточной границе, придает особую картинность местности, вообще возвышенной, перерезанной холмами, среди коих пространные надбережные долины... Совершенно другое зрелище представляют нам побережья Днепра. Здесь природа величественна, сурова. Нет того разнообразия, той игривости картин, какие видим по течению Немана» [Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – С.329].

Природно-климатические условия формирования этноса «кормящий» белорусов ландшафт именно благодаря своей девственной экзотичности в сравнении с ландшафтами, формировавшими соседние великорусский и малоросский этносы, с точки зрения продуктивности, был более чем скромным. «Область Верхнего Поднепровья и Беларуси только восточным своим краем захватывает северо-западный угол Средне-русской возвышенности, орошаемый Волжской и Окской речной сетью, центром же своим лежит в полосе возвышенных волоков между речными бассейнами Черного и Балтийского морей (Днепром и Припятью, Зап. Двиной и Неманом). К северу от этих волоков местность носит характер приозерной, холмистой, балтийской страны с ее типичным моренным ландшафтом; к юго-западу от волоков тянутся бесконечные болотистые малопроезжие, оригинальные низины и трясины Полесья, а к юго-востоку – широкие, слегка волнистые плоскогорья с ландшафтом средне-русских нечерноземных местностей. Малопородная, глинисто-песчаная почва Верхнего Поднепровья и Беларуси способствовала скоплению здесь лесных богатств и болотных образований, но мало благоприятствовала земледелию, отсутствие здесь особенно ценных ископаемых богатств не содействовало развитию горных промыслов» [Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / Под ред. П.П. Семенова. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1904. – Т. 9. – С. 111].

Более благоприятными были природно-климатические условия западной части территории современной Беларуси – в Гродненской губернии. Здесь «климатические условия области представляются весьма благоприятными. Волнистая и отчасти холмистая поверхность равнины прекрасно орошена; в широкой полосе, между Западною Двиною и Неманом, богата озерами; местами, как, например, в южной части своей, болотиста, а повсеместно обилует текучими водами и лесною растительностью, покрывающей не менее четверти пространства

области» [Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – С. 220]. В отличие от других зон, природно-климатические условия западной части современной Беларуси (Гродненская губерния) создавали более благоприятные условия для рентабельного земледелия. Земледельческий потенциал Гродненской губернии выгодно отличался не только от Белорусских губерний, но и от соседних – Виленской и Ковенской. Поэтому «весьма естественно, что при хорошем климате и почве, плодородие которой усиливается достаточным удобрением благодаря находящимся в пользовании литовских крестьян пастбищам, Литовская область не только производит при средних урожаях довольно хлеба для местного потребления, но и высылает свои хлебные избытки за пределы губернии» [Там же. – С. 224]. Существенно отличалась от других южная часть природного ландшафта белорусского этноса. Здесь «кормящий» ландшафт был представлен уникальным сочетанием лесов и болот. Белорусское Полесье, вне сомнения, представляет собой самостоятельный тип ландшафта, принципиально отличающегося как от Витебского поозерья, так и центральной возвышенной зоны. Ландшафт Полесья, состоящий из топей, болот и лесов, на своих обитателей действовал особым способом. Здесь люди жили в «небольших поселениях, расположенных на песчаных холмах, возвышающихся среди болот и покрытых слоем наносной почвы. Легко, наконец, составить себе понятие, какова жизнь этих болотных обитателей, когда мы вспомним, что со вскрытием рек воды их сливаются с водами такого множества рукавов, притоков, ручьев и образуют одно громадное озеро, на котором кое-где виднеются небольшие острова. Это-то и есть те холмы, о которых мы упомянули, с их несчастными жителями, в течение двух-трех месяцев совершенно отрезанными от всяких сообщений с людьми. Даже между собой эти жители холмиков с трудом и подвергаясь нередко большой опасности, могут сообщаться на лодках» [Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – С. 341].

Девственная, неурбанизированная природа Беларуси «очаровывала» всех исследователей, описывавших ее: как древнегреческих (Геродот), так и польских, и российских, считавших Беларусь своей территорией. Но у самих жителей белорусских лесов и болот нетронутая природа, помимо очарования ею, выработала необходимость поиска механизмов приспособления к ней. Неспособность существенно изменить природные

условия сформировала у белорусов не столько рационально-деятельные, сколько созерцательно-приспособительные алгоритмы поведения.

Не может не вызвать уважения удивительное, по сути, поэтическое описание белорусов и Беларуси в научном труде Российского императорского русского географического общества, в котором, в частности, отмечается, что «Беларусь с ее величественными Днепром и Двиной, с их дремучими лесами, с непроходимыми тундрой и болотами. – царство волков и коз, леших и русалок, царство ведьм и чаровниц ... – хотя и рано признала христианство, но надолго сохранила древние языческие предания и обряды. Белорус и теперь чтит своего домашнего пената «Чура», он и до сих пор знает богов каждого времени года и даже опишет наружность каждого. Он помнит наружность Ярилы и теперь Ладой закликает весну; он умеет увертываться перед лешим в лесу, подчас даже надует его; он знает, как подразнить русалок, но не поддаться им. Он чувствует свою Лялю, богиню весны Цещо, когда она является красивой, полной женщиной, со спелыми колосьями на голове и с плодами в руках, – его кормилицу, богиню лета: но он умеет задобрить и страшного Зюзя, грозного, смертоносного Карачуна. Ляля, Цещя и Зюзя – имена, известные только в Беларуси. Белорус вам расскажет, как Черешка добыл цвет папоротника и как вдруг стал могучим и умным. Только белорус знает подземного Жижеля (огонь), распространителя лесных пожаров» [Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: репринтное воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – С. 236]. Выделяя отличительные характеристики белоруса, исторический источник отмечает, что белорус отличается сильно развитым воображением и впечатлительностью. Он охотно уходит в мир мечтаний, воображения.

Девственная природа Беларуси являлась одним из факторов синтеза удивительного типа культуры взаимодействия белорусов с окружающим миром. Белорус скорее обожествлял, созерцал природу, чем пытался покорить и переделать ее. Приняв христианство, белорусы не могли расстаться со своими «языческими» богами. В реальной действительности у белорусов была христианско-языческая религия. По определению И. Абдироловича, «страціўшы ў сабе вольнага паганца, што маціўся пню, зьліваўся духам з вялікімі сіламі зямлі, п'яў прыгожыя песні, сустрачаючы веснянкамі вясну або хаваючы Купалу, што мог вольна адпавядаць і вольнаму дыханню ветру і руху свае душы, – страціўшы ўсе гэта, беларус ня ўбачыў нічога прынаднага і ў новым складзе жыцця» [Абдзіраловіч І. Адвечным шляхам: Дасьледзіны беларускага сьветагляду // Абдзіраловіч; пралмова С. Дубаўца. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – С. 11].

Природный ландшафт, особенно его полесская часть с труднопроходимыми чашобами и болотами, менее других восточнославянских земель подвергавшаяся инкультурному влиянию, естественным способом «законсервировала» древневосточнославянскую культуру. Соглашаясь с конценсией Л. Гумилева о взаимодействии этноса и его «кормящего» ландшафта в той части, что «на Земле нет ландшафта, не испытавшего когда-либо воздействия человека... искусственные, т. е. урбанистические ландшафты известны с глубокой древности» [Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли /Л.Н. Гумилев. – М.: Рольф, 2001. – С. 198], следует подчеркнуть, что соотношение естественно-природного и искусственного ландшафтов, участвующих в формировании различных этносов, существенно различается. В отличие от западноевропейских этносов, на формирование культуры и менталитета которых вместе с естественным ландшафтом в течение нескольких столетий существенное влияние оказывал и искусственный урбанизированный ландшафт, менталитет белорусов до конца XIX столетия формировался под воздействием практически не тронутого естественного ландшафта. В отличие от Центральной и Уральской России, юго-восточной части Украины, где со времен Петровских реформ создавались крупные промышленные центры, строились города с искусственным урбанизированным ландшафтом и урбанизированными социальными отношениями, в Беларуси формирование крупной индустрии началось только в XX веке. К концу XIX века около 10 % населения Беларуси проживало в городах и так называемых местечках. Жизнь остальных была фактически включена в природные процессы.

Большинство исследователей белорусского этноса, его художественной культуры, фольклора указывают на то обстоятельство, что народные песни белорусов отличаются драматичностью, порой безысходностью. Классики белорусской литературы таким же драматическим образом рефлексировали на положение белорусского этноса. Представители западноевропейской культуры, выросшие и сформировавшиеся в условиях урбанизированных природного и социокультурного ландшафтов, относились к природе и крестьянству с романтических позиций «сверху». Газон и дом-крепость, без которых трудно себе представить образ англичанина, являются элементами искусственного ландшафта. Поэтому для западноевропейской городской культуры характерна сентиментальная романтизация крестьянского образа жизни (пастушок со свирелью, девушка-цветочница). Классики русской и польской художественной культуры, в своем большинстве вышедшие из дворянско-помещичьей среды, также не были лишены романтизации природы и сельской, крестьянской жизни. Для них отношение к природе и крестьянству было скорее с позиции «рядом».

В отличие от ряда русских писателей и поэтов, большая часть которых родилась и получила первоначальное образование и воспитание в помещичьих усадьбах, большинство классиков белорусской поэзии и прозы — явления исключительно природно-сельские, а если быть более точным, то природно-хуторские. Якуб Колас, Янка Купала, Иван Мележ родились и сформировались в условиях сельско-хуторской природы. Для них не только городские, но даже и местечковые условия были чужими. Будучи связанным очень сложными отношениями с окружающей природой, мироощущение белорусских классиков, их базовые алгоритмы формировались в естественно-природных условиях. Белорусская хата, березки и сены, лес и поле, болото, эти, вне сомнения, элементы естественного ландшафта — условия жизни белорусского этноса. Белорусские классики могли описывать и природу, и крестьянскую жизнь исключительно «изнутри». Отсюда непонятная для многих, но совершенно естественная для белорусского творчества суровая реальность, откровенный драматизм, переходящие в безысходность. Русский поэт Сергей Есенин, будучи, точно так же, как и белорусские классики, крестьянским сыном, до конца своей жизни так и не смог оторваться от своей сельской «пуповины». У него, так же, как и у Я. Коласа и Я. Купалы, доминирующим был трагический рефлекс.